

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.
III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 16

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

16 АПРѢЛЯ.

ПАПИЛЬОНЪ ВЕСНОЮ.

Францъ-Иосифъ: — Ба! Вотъ радость-то!.. Геній мира... Когда я нынѣшней весной встрѣчаю эту канашку, то готовъ бѣжать за ней хоть сто версть... куда и старость дѣвается!.. Сударыня! А позвольте...

Рис. Мисс.

УМНИЦА.

— Ой! Послушайте, Катя! Вѣдь я же просила васъ сдѣлать ванну изъ теплой воды...

— Такъ ежели теплой нѣтъ! Изъ одного крана течетъ холодная, изъ другого горячая... А откуда же я возьму теплую?..

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНІЙ.

— Завтра утромъ!.. У сержанта
Сердце прыгаетъ, какъ птица.
Завтра угромъ!.. О инфанта!
О принцесса! О царица!
Завтра утромъ!.. Развѣ это
Недостаточно, красотка,
Для желаннаго отвѣта,
Продиктованнаго кротко?..
— Вы откроете окошко?
Васъ объ этомъ просить воинъ!
Развѣ, маленькая крошка,
Воинъ ласки недостойнъ?
Развѣ съ бронзою загара
Не бѣлѣ рядомъ шейка?
А военному не пара —
Обольтительная швейка?
Жду... Скорѣ... у ограды!
При лунѣ сверкнетъ кираса!..
Я — сержантъ седьмой бригады,
Я — стрѣлокъ съ долинъ Арраса!
Ахъ, теперъ его истоки
Алый валъ взметають грозно —
О, не будьте же жестоки!
Завтра утромъ... будетъ поздно!

... Пляшетъ лучъ въ просвѣтахъ оконъ,
Пляшетъ лучъ межъ оконъ лунный, —
Вѣтеръ треплетъ чей-то локонъ
За оградою чугунной.
«Ты безумна!» шепчетъ разумъ.
«Милый, — сердце шепчетъ, — милый!»

Но и умъ, и сердце разомъ
Шепчуть: «Господи, помилуй!»
Ночь, въ борьбѣ изнемогая,
Не осилить день туманный:
— Вотъ и утро, дорогая!
— Вотъ и утро, мой желанный!..

Донь-Аминадо.

ЧЕМОДАНЪ СЧАСТЬЯ.

— Мой чемоданъ васъ не беспокоитъ? Тотъ, что наверху?

— Нѣтъ.

Молчаніе на протяженіи трехъ верствъ.

— Простите... Я очень хотѣлъ бы задать вамъ одинъ вопросъ.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы въ примѣты вѣрите?

— Нѣтъ.

— А въ амулеты разные, въ талисманы?

— (Мягкая улыбка). Тоже нѣтъ. А что?

— Такъ... Я и самъ не вѣрю, да плохо то, что окружающіе меня — вѣрятъ.

Очевидно, мой спутникъ имѣлъ на душѣ какую-то тяжесть, и подѣлиться ею съ кѣмъ-нибудь требовало все его существо.

— Я слушаю васъ, — сказала я.

— Мнѣ очень хочется рассказать вамъ всю исторію своихъ переживаній... Накипѣло. Моя профессія — прописываніе рецептовъ. Я — докторъ и ѣду въ одинъ изъ пограничныхъ городковъ. Въ лазаретъ. Я не терплю багажа, и со мной, кромѣ подушки, ѣдетъ только этотъ проклятый чемоданъ.

Онъ обвелъ взглядомъ все купэ и указалъ на лежавшій на открытой спальной полкѣ огромный чемоданъ.

— Въ немъ пять пудовъ. Скажите, чѣмъ, по вашему мнѣнію, онъ напиханъ?

— Бумагой для рецептовъ? — отвѣтилъ я безцѣльнымъ вопросомъ на безцѣльный вопросъ.

Докторъ улыбнулся.

— Въ этомъ чемоданѣ амулеты и талисманы счастья. Число моихъ родственниковъ превышаетъ сотню. Къ глубокому сожалѣнію, узнавъ, что я уѣзжаю на границу, вся эта свержь-сотня принесла мнѣ на прощанье по амулету. Эти люди приходили и говорили: «Возьмите, храните, приносить счастье, охраняетъ отъ пули, въ случаѣ эпидемій лучше всякихъ дезинфекцій». Скажите, могъ я не принять этихъ предложенныхъ отъ чистаго сердца подарковъ? Не могъ. Я бралъ и благодарилъ. А когда я началъ укладывать ихъ въ чемоданъ, то вполнѣ оцѣнилъ страданія водевильныхъ дачныхъ мужей. Ну-ка, уложите подкову съ фарфоровымъ слонкомъ, гипсовую танцовщицу съ обрывкомъ средневѣковой цѣпи! Цѣлыя сутки возился. Потомъ плюнулъ, свалилъ все въ кучу и заперъ чемоданъ на ключъ. Какая разница, — цѣлый слонъ будетъ лежать въ чемоданѣ или битый?

Грустно усмѣхнувшись, онъ кончилъ:

— И вотъ, цѣлый мѣсяць я таскаю за собою этотъ чемоданъ. Гдѣ я, тамъ и онъ.

— Помогаетъ? — спросилъ я.

— Кто же его знаетъ? На эпидеміи я еще не былъ, не былъ и въ бою. Навѣрное, помогаетъ.

— Сказать вамъ по правдѣ... Я почти что увѣренъ, что вы сами вѣрите амулетамъ.

— Нѣтъ, не вѣрю, — тихо отвѣтилъ докторъ, — рѣшительно не вѣрю.

— Тогда я васъ не понимаю. Зачѣмъ же вы таскаете за собою этотъ чемоданъ? Подлѣ васъ нѣтъ ни одного изъ вашихъ родственниковъ, — смахните чемоданъ въ окно и конецъ.

— Думалъ...

— Ну?

— И боюсь... Боюсь, что какъ только лишусь чемодана, повѣрю въ примѣты. Разберитесь вы въ моихъ переживаніяхъ: въ примѣты я не вѣрю, но чемоданъ все же таскаю за собою. Да почему? Потому что у меня въ головѣ гвоздемъ стоитъ мысль: неужели сотня одарившихъ меня амулетами родственниковъ, совершенно заблуждается? Если бы у меня украли этотъ чемоданъ, — я былъ бы только благодаренъ: разстаться съ амулетами помимо своей воли — нѣтъ лучшаго компромисса между вѣрой въ примѣты и не-

вѣриемъ... Но бросить чемоданъ самому... Нѣтъ. Это свѣше силъ. Скажите, я говорю ясно?

— Куда жъ яснѣе.

«Эхъ, окажу этому неудачнику услугу», — подумалъ я. Потомъ всталъ, потянулся и зѣвнулъ.

— Собираетесь спать? — спросилъ докторъ.

— Да. Я лягу на верхній диванъ. Уберете чемоданчикъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Вотъ тебѣ на. Кто же кладетъ чемоданъ на нижній диванъ?

— Развѣ нельзя?

— Я полагаю такъ, что если я проснусь ночью и пожелая посидѣть на диванчикѣ, — у меня не будетъ никакой охоты забираться на вашъ чемоданъ.

— Тогда я положу его въ проходъ.

— Суньте лучше его мнѣ на голову, — проворчалъ я.

Слегка сконфуженный моимъ тономъ, докторъ почесалъ затылокъ и спросилъ:

— Куда же его, окаяннаго?

— Знаете чтò, — сказалъ я, — въ этомъ вагонѣ одна половина не раздѣлена на купэ. Отнесемъ туда вашъ чемоданъ на всю ночь — и дѣло въ шляпѣ.

— А его... не... украдутъ?

— Богъ дастъ, украдутъ.

— Вы какъ сказали?

— Говорю, несемъ.

Мы взяли чемоданъ за ручки и перенесли его въ общее отдѣленіе. Выбравъ самаго подозрительнаго пассажира, мы положили около него чемоданъ и, усталые, тутъ же опустились въ кресла.

— Пусть лежитъ здѣсь всю ночь, — громко сказалъ я. — Народъ здѣсь все честный, можно быть совершенно покойными. Тѣмъ болѣе, врядъ ли кто догадается, какія мы веземъ въ немъ драгоценности.

Обратившись къ подозрительному пассажиру, я продолжалъ:

— Присмотрите, не сочтите за трудъ. Сидимъ мы больно далеко, въ самомъ хвостѣ поѣзда... Если что случится съ чемоданомъ, — предупредите насъ.

— Хорошо, — отрѣзалъ пассажиръ.

Мы вернулись въ свое купэ.

На другой день, утромъ, я проснулся отъ громкаго смѣха доктора.

— Чего вы? — спросилъ я. — Чемоданъ, что ли, украли?

Лицо доктора сразу же сдѣлалось серьезнымъ.

— Чорта лысаго. Четырехъ пассажировъ до ниточки обокрали, а мой чемоданъ какъ стоялъ, такъ до сихъ поръ и стоитъ.

— Глупый воръ пошелъ, — сердито сказалъ я.

— Поэтому я и смѣюсь. Сколько, идіоты, амулетовъ могли накрасть и не догадаться... Мелкій воръ пошелъ нынче, очень мелкій...

— Ничего, — утѣшилъ я, — можетъ быть, на пересадкѣ забудете.

Тяжелый стонъ вырвался изъ груди доктора.

— Пересадки-то ни одной нѣту! **Евграфъ Дольскій.**

РУССКАЯ КОММЕРЦІЯ.

— И говорятъ еще, что мы, купцы, повысивъ цѣны на все, много зарабатываемъ! Какъ только языкъ поворачивается у людей говорить этакое. Знаете ли, что я за послѣднюю недѣлю заработалъ всего 18 рублей.

— Что вы говорите?!!!

— Увѣряю васъ... Да вы сами считайте: отъ продажи товаровъ по повышенной цѣнѣ за недѣлю у меня осталось прибыли 3018 рублей, да оштрафованъ я былъ за эту недѣлю на 3000 рублей за повышение цѣнъ... Вычтите и увидите!

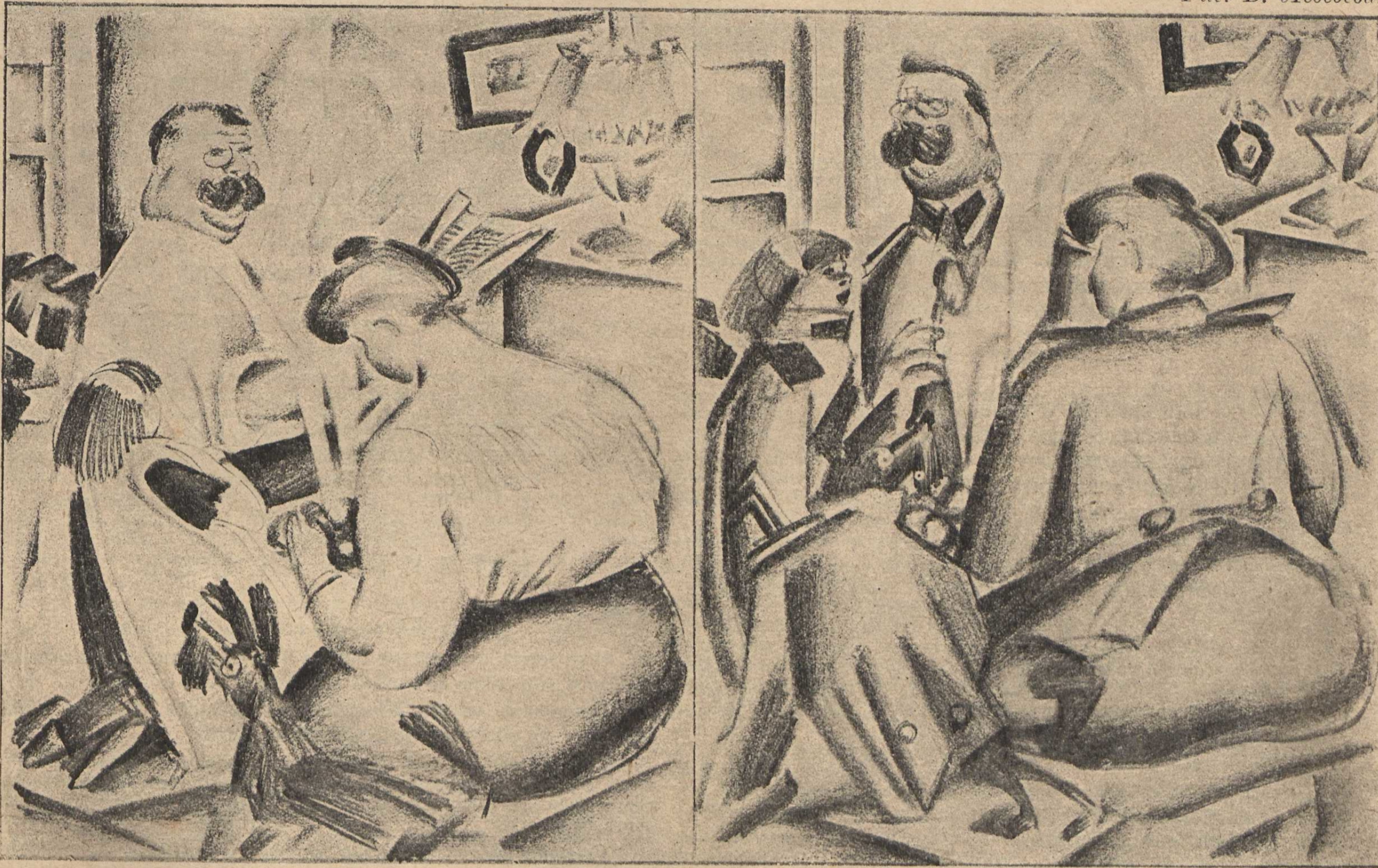
У Т Ъ Ш Е Н І Е.

ЛОШАДЬ (радно). Ничего... Хотя овесъ вздорожалъ настолько, что мы его и не нюхаемъ, зато и кнуты вздорожали такъ, что нашимъ хозяевамъ не по карману!

Ф.

НѢМЕЦКАЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ, ИЛИ НУЖНО ЪСТЬ КАРТОФЕЛЬ ВЪ МУНДИРѢ.

Рис. В. Лебедсва.

— Дѣти! Нашъ обожаемый кайзеръ издалъ приказъ, чтобы для сохраненія питательныхъ свойствъ картофеля отнынѣ варить его и ѣсть въ мундирѣ. Не будемъ же критиковать приказа, а исполнимъ его безъ разсужденій!..

Обѣдъ на основаніи новаго приказа...

Вотъ какимъ образомъ семья честнаго, но не совѣмъ умнаго бюргера исполнила приказъ своего обожаемаго кайзера.

Италия и Болгарія: — Какъ же намъ взяться за оружіе — когда мы уже вооружены на случай конца войны! Оружіе такого размѣра, что обѣими руками держать приходится.

ЗА КУЛИСАМИ.

„Крѣпнуть слухи о близкомъ разрѣшеніи
продажи легкихъ виноградныхъ винъ“.
(Изъ газетъ.)

I.

— Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ вина,
Россія отрезвѣла!
Страхнула сонъ она
И принялась за дѣло!
— Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ вина,
Страна пьянымъ-пьяна:
Сивухи легкой ядъ
Смѣннл денатурать!

II.

— Гдѣ прежній тотъ народъ
Въ опоркахъ и рогожѣ?
Теперь народъ живетъ, —
Какъ дай Богъ жить вельможѣ!
— Гдѣ прежній тотъ народъ,
Что пилъ, но мѣру зная?
Теперь ханжу онъ пьетъ,
Всю рухлядь пропивая.

III.

— Вино ужасный ядъ,
Онъ сѣялъ всюду горе,
Убийства и развратъ,
И слезъ горючихъ море!
— Но вашъ денатурать
Ужаснѣе разъ въ двѣсти!
Гдѣ онъ, тамъ смерть и адъ,
Безвѣріе, развратъ,
Разбой, забвеніе чести!

IV.

— Коль такъ, такъ отчего
Онъ всюду продается?
Пусть запретятъ его!

— Сильнѣйшій ядъ найдется!
Начнутъ сивуху гнать,
По избамъ, въ самоварѣ,
И будетъ Русь опять
Тонуть въ хмельномъ угарѣ!

V.

— Но все же безъ вина
Страна помолодѣла:
Повсюду жизнь видна,
И всюду спѣетъ дѣло!
— Неправда, безъ вина
Раззоръ идетъ по хатамъ!
Отравлена страна
Ханжой съ денатуратомъ!...
и т. д.

Интересно, кому это надо:
Интересамъ отчизны на-зло,
Воскрешать пораженного гада,
Насаждать побѣжденное зло?!

В. Князевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Дѣтская радость.

Вслѣдствіе недостатка золота Германія стала „впадать въ дѣтство“...

Приводимъ письмо нѣмецкаго школьника къ отцу, находящемуся на восточномъ фронтѣ:

„Дортмундъ, 2/3—15. Въ нашемъ училищѣ производится „золотой сборъ“. Какъ только мы (всѣ классы вмѣстѣ) наберемъ пожертвованій на 1,000 марокъ золотомъ, насъ освободятъ на цѣлый день отъ занятій.“

Сегодня наберутъ тысячу марокъ золотомъ, завтра наберутъ тысячу марокъ золотомъ. Сегодня освободятъ отъ занятій, завтра освободятъ. Страна будетъ богатѣть, учителя — отдыхать, а дѣти расти балбесами.

И прославится страна во вѣки вѣковъ своими неучами, оболтусами и лежебоками...

Знаменательная опечатка.

Въ „Петрогр. Курьеръ“ наталкиваемся на слѣдующую изумительную фразу:

„Петербургскіе промышленники и чикагскіе торговцы готовы предложить Германіи свои услуги по снабженію всякими продуктами, если только Германія найдетъ способы для ихъ доставки“.

Конечно, мы понимаемъ, что „петербургскіе промышленники“ — не болѣе, какъ опечатка: выше упоминалось о „питсбургскихъ“ (американскихъ) промышленникахъ.

Опечатка... Но какъ зловѣщи иногда бываютъ опечатки и какъ отъ нихъ за версту разить намекомъ на что-то, отъ чего порядочный русскій человѣкъ съ ужасомъ и гадливостью отвернется.

Новое въ физиологіи.

Всѣмъ ясно, что человѣкъ можетъ родиться только отъ мужчины и женщины... Другихъ комбинацій быть не можетъ.

Всѣмъ ясно. Кромѣ „Петроградской Газеты“.

У „Петрогр. Газеты“ свой собственный взглядъ на дѣторождение.

Вотъ, что газета сообщаетъ о родителяхъ Фердинанда Кобургскаго:

Вѣдь отъ рѣдившагося въ Вѣнѣ, отъ венгерскаго помѣщика и винокура — Фердинанда Кобургскаго можно всего ожидать“.

Итакъ, отецъ — венгерскій помѣщикъ.

Мать — винокуръ.

Странно. Удивительно. Но, все-таки, послѣ этого открытія многое становится яснымъ въ туманной болгарской политикѣ.

Привязанность къ оружію.

Германскій штабъ рѣшилъ принести все въ жертву, дабы отстоять эту возвышенность (Эпаржъ), и оказалъ крайнее сопротивленіе. Неприятель не пренебрегъ ничѣмъ, чтобы обезпечить стойкость войскъ, и дошелъ до того, что привязывалъ людей къ пулеметамъ.

Можно, конечно, любить свое оружіе, но такъ привязываться къ нему, какъ это дѣлаютъ нѣмецкіе солдаты, — могутъ только сантиментальныя, добъя души.

Трудолюбивый вѣнценосецъ.

„Новое Время“ сообщаетъ нѣкоторые штрихи изъ жизни Вильгельма:

„Вильгельмъ II не переноситъ мысли, что его могутъ не считать сверхчеловѣкомъ, способности и силы котораго всеобъемлющи и безпредѣльны. Такъ, напримѣръ, весь дворъ отлично знаетъ, что послѣ завтрака въ 12 час. императоръ удаляется въ свои апартаменты и ложится спать до 2—3 часовъ дня. Но Боже упаси высказать это! Для всѣхъ „императоръ работаетъ одинъ“ въ эти часы, и хотя самый сладкій храпъ доносится изъ-за дверей спальни, всѣ утверждаютъ, что императоръ работаетъ“.

Съ этакой работой своего кайзера нѣмцы бы еще примирились...

Но бѣда для нихъ въ томъ, что онъ иногда и по настоящему работаетъ... Это уже совсѣмъ плохо.

Доработается скоро до чего-нибудь такого грустнаго, что плакать нѣмцамъ захочется.

Охотничье.

Оказывается, графъ Цеппелинъ надуваетъ не только свои цеппелины, но и своего кайзера.

Эрвье рассказываетъ въ „Nouvelle Revue“ о Вильгельмѣ Гогенцоллернѣ, какъ о замѣчательномъ охотникѣ:

„Года три назадъ онъ охотился въ помѣстьяхъ графа Цеппелина. По окончаніи охоты, когда всѣ трофеи были собраны на поляну, графъ заявилъ, что императоръ побилъ всѣ рекорды, уложивъ на мѣстѣ 64 штуки дичи. Трофеи императора были торжественно уложены въ рядъ и „случайные“ фотографии кинулись къ нимъ со своими аппаратами.“

Вильгельмъ II обернулся къ графу и замѣтилъ самодовольно-наивно: „Вы говорите: 64 штуки? Дѣйствительно, это изумительные результаты! Вѣдь я разстрѣлялъ только 30 патроновъ... Но, въ такомъ случаѣ, это невиданная ловкость!“ И онъ улыбнулся съ гордымъ видомъ“.

Если бы это рассказывалъ не солидный французъ Эрвье, можно было бы подумать, что слова Вильгельма — обычный цирковой трюкъ рыжаго „Августа“.

И такой-то вотъ человѣкъ распоряжается теперь милліонами жизней!..

Тюменскія трагедіи.

У кого что, а у города Тюмени (Тоб. губ.) свои неотложныя нужды, свое тяжелое неисходное горе...

„Насъ просятъ обратить вниманіе, — говоритъ мѣстная „Сибирск. Торг. Газ.“ — на страшную вонь въ театрѣ Текутьева. Не знаемъ — не чистятся ли уборныя или они плохо устроены, но сидѣть въ театрѣ за послѣднее время стало положительно невозможно: отъ вони голову ломить“.

Изъ этого положенія можно выйти очень легко: рецензии о театрѣ долженъ писать не журналистъ, а ассенизаторъ въ просвѣщенномъ сотрудничествѣ съ мѣстнымъ околоточнымъ.

Та же газета „смѣется сквозь невидимыя міру слезы“.

„Ужъ сколько разъ твердили міру... а козлы продолжаютъ гулять по тюменскимъ улицамъ и усердно слизывать съ витринъ афиши. Нужно отдать справедливость — читаютъ они афиши основательно: не только съѣстъ афишу, но и дочиста вылижетъ мѣсто, гдѣ она была наклеена. Козлы не брезгаютъ ничѣмъ: съ аппетитомъ уничтожаютъ „Двухъ сиротокъ“ вмѣстѣ со „Степью матушкой“, „Любовью и смертью“, прекрасно справляются съ босоножкой Павловой, уничтожаютъ „Сѣверную звѣзду“ съ ея крысами; козлы ставятъ ни во что даже „Стенку Разина“ и „Сашку семинариста“, — у послѣдняго на всѣхъ витринахъ ноги искалѣчены“.

Если бы мы не хотѣли стать измѣнниками своему отечеству, мы дали бы, на основаніи тюменскаго прецедента, хорошей совѣтъ нѣмцамъ, у которыхъ нѣтъ корма для лошадей...

Именно: замѣнить лошадей козлами и кормить ихъ старыми афишами.

Просто, но гениально.

Рис. В. Лебедева.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Всѣ мы, конечно, знаемъ, что существуютъ разрывные снаряды. Оказывается, что есть также и разрывные бомбряды. По крайней мѣрѣ, такъ увѣряетъ въ „Петроградскомъ Листкѣ“ г. Н. Никонцовъ въ стихотвореніи „Подвигъ цеппелина“:

*„Бросилъ въ центръ самогъ
Цеппелинъ-пиратъ
Въ городъ надъ храмомъ
Разрывныхъ бомбъ рядъ“.*

Можетъ ли убитый разговаривать? Можетъ ли убитый командовать ротой? Г. Н. Агнiewiczъ доказываетъ въ стихотвореніи, помѣщенномъ въ „Петроградской Газетѣ“, что — можетъ:

*„— Падаю?... Падаю!.. Боже,
Чья это кровь такъ течетъ?...
Пусть я — убитъ .. Ну, такъ что же?..
Рота, впередъ!..“*

Одинъ изъ одесскихъ поэтовъ задумалъ описать, какъ, узнавъ о взятіи Мемеля, Францъ-Иосифъ подавился кусочкомъ... земли. Замыселъ — нельзя сказать, чтобы очень счастливый. Но, осуществляя задуманное, поэтъ „Одесскаго Листка“ напоролся на слово „Мемеля“, къ которому трудно было подыскать риму. Поэтъ, однако, „выпутался“ и начерталъ слѣдующее:

*„Узнавъ о взятіи Мемеля,
Францъ-Иосифъ разсердился
И подавился
Кусочкомъ земля.“*

Многіе изъ умныхъ иностранцевъ писали объ умѣ русской женщины цѣлыя хвалебныя статьи.

А вотъ какъ представляетъ себѣ русскую женщину авторъ книжки „Благовоспитанная женщина“, книжки, вышедшей въ столицѣ. Въ главѣ VI рассказывается о томъ, какъ надо вести себя за столомъ (стр. 139). Авторъ учитъ:

„...Кромѣ того не слѣдуетъ ставить свою пустую чашку или стаканъ на неподходящія мѣста: на столикъ съ альбомами, на рояль, на стулъ, гдѣ можетъ остаться пятно, потрескаться лакировка, а также на полъ подъ стульемъ или въ уголъ, гдѣ посуду очень трудно найти и легко опрокинуть...“

Если бы эта книжка получила распространеніе въ Африкѣ, не бесполезно было бы добавить, что нельзя также пустую чашку или стаканъ разбивать о затылокъ своего сосѣда или садиться на кипящий самоваръ во время скучнаго разговора: все это скверно дѣйствуетъ на свой и окружающихъ организмъ.

Читать корреспонденціи („Утро Юга“) изъ станицы Нижне-Чирской, Донск. Обл., — одно удовольствіе.

Ничто такъ не освѣжаетъ голову, какъ подобная корреспонденція: „Разливъ воды соединилъ Донъ съ рѣкою Чиръ, затопилъ берега, прижалъ станицу къ горѣ, лишь однѣ купы деревьевъ среди воднаго океана видѣются, какъ маленькіе острова. Праздничная публика наплетается на лодкахъ, которыя, какъ чайки плывутъ по водѣ острова съ зеленой травкой, на которыхъ (?) бываетъ высадка десанта.“

Десантъ тутъ, правда, ни при чемъ, но все это чарующе красиво. Послалъ Богъ человѣку талантъ — и все тутъ!

КРЫСА на ПОДНОСЬ

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Иллюстраціи А. Радакова.

I.

— Хотите пойти на выставку новаго искусства? — сказали мнѣ.

— Хочу, — сказалъ я.

Пошли.

— Это вотъ и есть выставка новаго искусства? — спросилъ я.

— Эта самая.

— Хорошая.

Услышавъ это слово, два молодыхъ человѣка, долговзыхъ, съ прекрасной розовой сыпью на лицѣ и изящными деревянными ложками въ петлицахъ, подошли ко мнѣ и жадно спросили:

— Серьезно, вамъ наша выставка нравится?

— Сказать вамъ откровенно?

— Да!

— Я въ восторгѣ.

Тутъ же я испыталъ невыразимо пріятное ощущение прикосновенія двухъ потныхъ рукъ къ моей рукѣ и глубоко волнующее чувство отъ созерцанія небольшого куска рогожи, на которомъ была нарисована пятиногая голубая свинья.

— Ваша свинья? — освѣдомился я.

— Моего товарища. Нравится?

— Чрезвычайно. Въ особенности, эта пятая нога. Она придаетъ животному такой мужественный видъ. А гдѣ глаза?

— Глаза нѣтъ.

— И вѣрно. На кой чортъ, дѣйствительно, свиньѣ глазъ? Пятая нога есть — и довольно. Не правда ли?

Молодые люди съ, чудеснаго тона розовой сыпью на лбу и щекахъ, недоувѣрчиво поглядѣли на мое простодушное лицо, сразу же успокоились, и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Можеть, купите?

— Свинью? Съ удовольствіемъ. Сколько стоитъ?

— Пятьдесятъ... — Было видно, что дальнѣйшее слово поставило лѣваго молодого человѣка въ затрудненіе, ибо онъ и самъ не зналъ — чего пятьдесятъ: рублей или копеекъ? Однако, заглянувъ еще разъ въ мое благожелательное лицо, пріободрился и смѣло сказалъ: — Пятьдесятъ ко... рублей. Даже, вѣрнѣе — шестьдесятъ рублей.

— Недорого. Я думаю, если повѣсить въ гостиной, въ простѣнкѣ, будетъ очень недурно.

— Серьезно, хотите повѣсить въ гостиной? — удивился правый молодой человѣкъ.

— Да вѣдь картина же. Какъ же ее не повѣсить!

— Положимъ, вѣрно. Дѣйствительно, картина. А хотите видѣть мою картину: «Сумерки насущнаго»?

— Хочу.

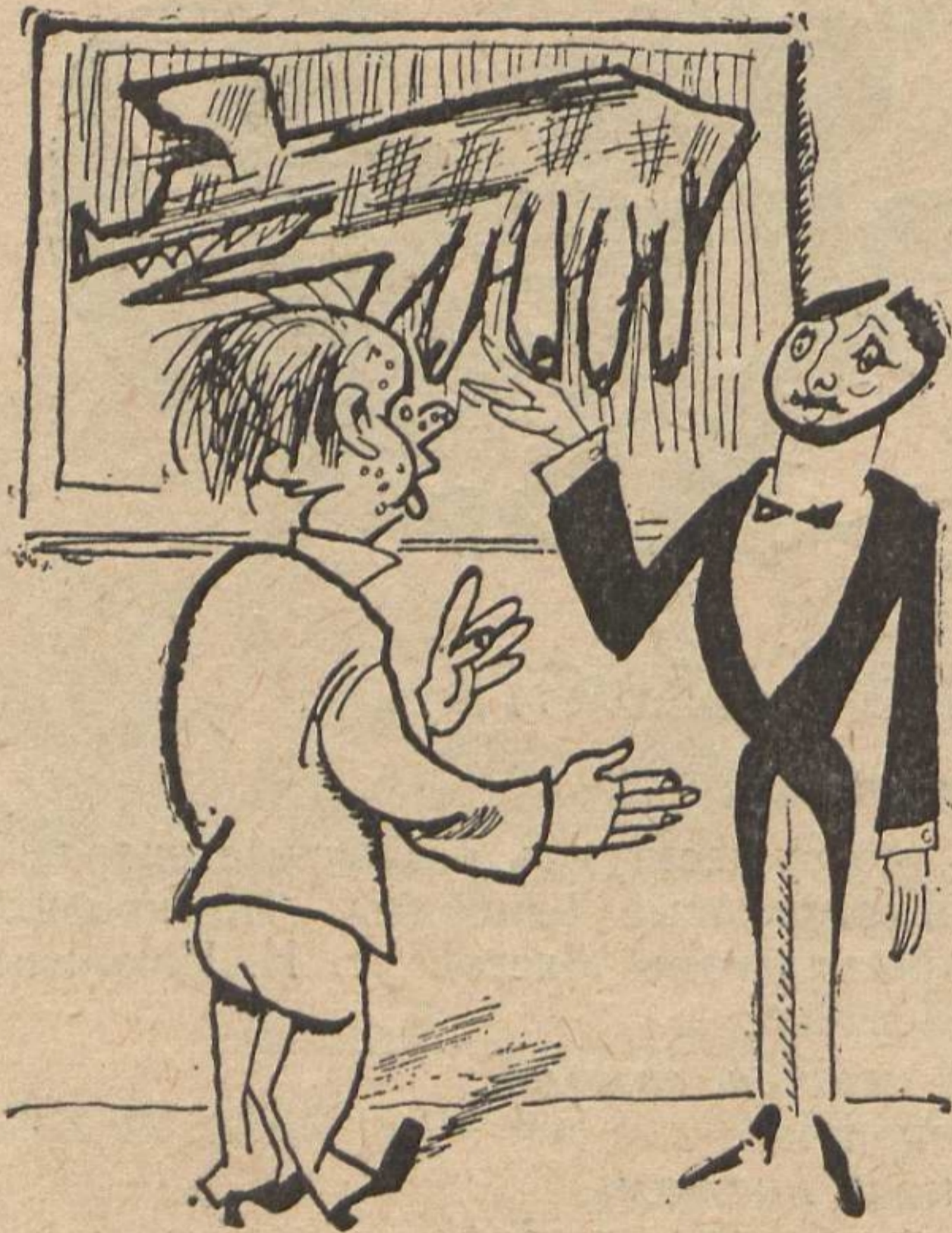
— Пожалуйста. Она вотъ здѣсь виситъ. Видите ли, картина моего товарища «Свинья, какъ таковая», написана въ старой манерѣ, красками; а я, видите ли, красокъ не признаю; краски связываютъ.

— Еще какъ, — подхватилъ я. — Ничто такъ не связываетъ человѣка, какъ краски. Никакого отъ нихъ толку, а связываютъ. Я зналъ одного человѣка, котораго краски такъ связали, что онъ долженъ былъ въ другой городъ переѣхать...

— То-есть, какъ?

— Да очень просто. Мильяевымъ его звали. Гдѣ же ваша картина?

— А вотъ виситъ. Оригинально, не правда ли?

...была нарисована пятиногая голубая свинья.

II.

Нужно отдать справедливость юному маэстро съ розовой сыпью — красокъ онъ избѣгнулъ самымъ положительнымъ образомъ: на стѣнѣ висѣлъ металлическій черный подносъ, посрединѣ котораго была прикрѣплена какимъ-то клейкимъ веществомъ небольшая дохлая крыса. По бокамъ ея меланхолически красовались двѣ конфетныхъ бумажки и четыре обгорѣлыхъ спички, расположенныхъ очень пріятнаго вида зигзагомъ.

— Чудесное произведеніе, — похвалилъ я, полюбовавшись въ кулакъ. — Сколько въ этомъ настроенія!... «Сумерки насущнаго»... Да-а... Не скажи вы мнѣ, какъ называется ваша картина, я бы самъ догадался: э, молъ, знаю!.. Это не что иное, какъ «Сумерки насущнаго»! Крысу сами поймали?

— Самъ.

— Чудесное животное. Жаль, что дохлое. Можно погладить?

— Пожалуйста.

Я со вздохомъ погладилъ мертвое животное и замѣтилъ:

— А какъ жаль, что подобное произведеніе не прочно... Какой-нибудь тамъ Веласкесъ или Рембрандтъ живетъ сотни лѣтъ, а этотъ шедевръ въ два-три дня, гляди, и испортится.

— Да, — согласился художникъ, заботливо поглядывая на крысу. — Она уже, кажется, разлагается. А всего только два дня и провисѣла. Не купите ли?

— Да ужъ и не знаю, — нерѣшительно взглянулъ я на лѣваго. — Куда бы ее повѣсить? Въ столовую, что ли?

— Вѣшайте въ столовую, — согласился художникъ. — Въ родѣ этакого натюр-морта.

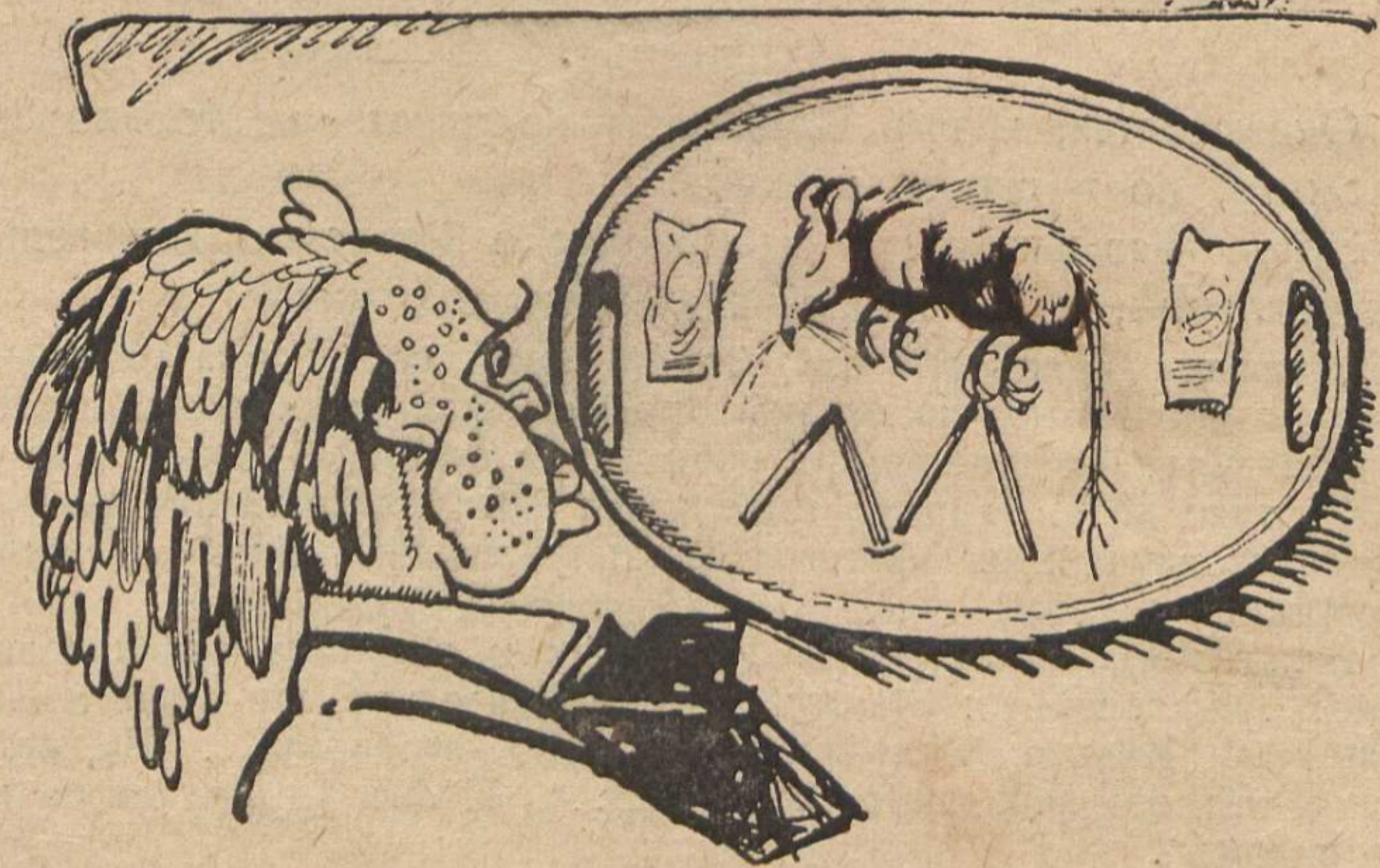
— А что, если крысу освѣжать каждые два-три дня? Эту выбрасывать, а новую ловить и вѣшать на подносъ?

— Не хотѣлось бы, — поморщился художникъ. — Это нарушаетъ самоопредѣленіе артиста. Ну, да что съ вами дѣлать! Значитъ, покупаете?

— Куплю. Сколько стоитъ?

— Да что же съ васъ взять?... Четыреста... — Онъ вздрогнулъ, опасливо поглядѣлъ на меня и со вздохомъ докончилъ: — Четыреста... копеекъ.

— Возьму. А теперь мнѣ хотѣлось бы приобрести что-нибудь попрочнѣе. Что-нибудь этакое... неорганическое.

... на стѣнѣ висѣлъ металлическій черный подносъ, посрединѣ котораго была прикрѣплена какимъ-то клейкимъ веществомъ небольшая дохлая крыса.

— «Американецъ въ Москвѣ» не возьмете ли? Моя работа.

Онъ потащилъ меня къ какой-то доскѣ, на которой были набиты три жестяныхъ трубки, коробка отъ консервовъ, ножницы и осколокъ зеркала.

— Вотъ. Скульптурная группа: «Американецъ въ Москвѣ». По-моему, эта вещь мнѣ удалась.

— А еще бы! Вещь, около которой можно заржать отъ восторга. Дѣйствительно, эти пріѣзжающіе въ Москву американцы, они тово... Однако, вы не безъ темперамента... Изобразить американца въ родѣ трехъ трубочекъ...

— Нѣтъ, трубочки — это Москва! Американца тутъ, собственно, нѣтъ; но есть, такъ сказать, слѣды его пребыванія...

— Ахъ, вотъ что. Тонкая вещь. Масса воздуха. Колоритная штукенція. Почему?

— Семьсотъ. Это вамъ для кабинета подойдетъ.

— Семьсотъ... чего?

— Ну, этихъ самыхъ, не важно. Лишь бы наличными.

III.

Я такъ былъ тронуть участіемъ и доброжелательнымъ ко мнѣ отношеніемъ двухъ экспансивныхъ, экзальтированныхъ молодыхъ людей, что мнѣ захотѣлось хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить ихъ.

— Господа! Мнѣ бы хотѣлось принять васъ у себя и почествовать, какъ представителей новаго чудеснаго искусства, открывающаго намъ, опустившимся, обрюзгшимъ, необозримыя свѣтлыя дали, которыя...

— Пойдемте, — согласились оба молодыхъ человека съ ложками въ петлицахъ и миловидной розовой сыпью на лицахъ. — Мы съ удовольствіемъ. Насъ уже давно не чествовали.

— Что вы говорите! Ну, и народъ пошелъ. Нѣтъ, я не такой. Я обнажаю передъ вами свою бѣдную мыслями голову, склоняю ее передъ вами и звонко, прямо, открыто говорю: «Добро пожаловать»!

— Я съ вами на извозчикѣ поѣду, — попросился лѣвый. — А то, знаете, мелкихъ что-то нѣтъ.

— Пожалуйста! Такъ, съ ложечкой въ петлицѣ, и поѣдете?

— Конечно. Пусть ожирѣвшіе филистеры и гнилые ипохондрики смѣются — мы выявляемъ себя, какъ находимъ нужнымъ.

— Очень просто, — согласился я. — Всякій живетъ, какъ хочетъ. Вотъ и я, наприимѣръ. У меня вамъ кое-что покажется немного оригинальнымъ, да вѣдь вы же не изъ этихъ самыхъ... филистеровъ и буржуевъ?

— О, нѣтъ. Оригинальностью насъ не удивишь.

— То-то и оно.

IV.

Приѣхали ко мнѣ. У меня уже былъ кое-кто: человекъ десять-двѣнадцать моихъ друзей, приѣхавшихъ познакомиться поближе съ провозвѣстниками новаго искусства.

— Знакомьтесь, господа. Это все народъ старозавѣтный, закоренѣлый, вы съ ними особенно не считайтесь, а что касается васъ, молодыхъ, гибкихъ пионеровъ, то я попросилъ бы васъ подчиниться моимъ домашнимъ правиламъ и уставамъ. Раздѣвайтесь, пожалуйста.

— Да мы уже пальто сняли...

— Нѣтъ, чего тамъ пальто. Вы совсѣмъ раздѣвайтесь.

Молодые люди робко переглянулись:

— А... зачѣмъ же?

— Чествовать васъ будемъ.

— Такъ можно вѣдь такъ... не раздѣваясь...

— Вотъ оригиналы-то!! Какъ же такъ, не раздѣваясь, можно вымазать ваше тѣло малиновымъ вареньемъ?..

— Почему же... вареньемъ?.. зачѣмъ?

— Да ужъ такъ у меня полагается. У каждого, какъ говорится, свое. Вы вѣшаете на подносъ дохлую крысу, пару карамельныхъ бумажекъ и говорите: это картина! Хорошо! Я согласенъ! Это картина. Я у васъ даже купилъ ее. «Американца въ Москвѣ» тоже купилъ. Это *вашъ* способъ. А у меня *свой* способъ чествовать молодые многообѣщающіе таланты: я обмазываю ихъ малиновымъ вареньемъ, посыпаю конфетти и, наклеивъ на щеки два куска бумаги отъ мухъ, усаживаю чествуемыхъ на почетное мѣсто. Ъсть вы будете особый салатъ, приготовленный изъ кусочковъ обоевъ, изрубленныхъ зубныхъ щетокъ и теплаго вазелина. Не правда ли, оригинально? Запивать будете свинцовой примочкой. Итакъ, будьте добры, раздѣньтесь. Эй, люди! Приготовлено ли варенье и конфетти?

— Да, нѣтъ! Мы не хотимъ... Вы не имѣете права...

— Почему?!!

— Да что же это за бессмыслица такая: взять живого человека, обмазать малиновымъ вареньемъ, обсыпать конфетти!.. Да еще накормить обоями съ вазелиномъ... Развѣ можно такъ? Мы не хотимъ. Мы думали, что вы насъ просто кормить будете, а вы... мажете. Зубныя щетки, рубленныя, даете... Это даже похоже на издѣвательство!.. Такъ нельзя. Мы жаловаться будемъ.

— Какъ жаловаться?! — яростно взревѣлъ я. — Какъ жаловаться?! А я жаловался кому-нибудь, когда вы мнѣ продавали пятиногихъ синихъ свиней и кусочки жести на деревянной доскѣ?! Я отказывался?! Вы говорили: мы самоопредѣляемся. Хорошо! Самоопредѣляйтесь. Вы мнѣ говорили — я васъ слушалъ. Теперь моя очередь... Что?! Нѣтъ, ужъ знаете... я поступалъ по-вашему, я хотѣлъ понять васъ — теперь понимайте и вы меня. Эй, люди! Раздѣньте ихъ! Мажь ихъ, у кого тамъ варенье. Держите голову имъ, а я буду накладывать въ ротъ салатъ... Стой, братъ, не вырвешься. Я тебѣ покажу сумерки насущнаго! Вы самоопредѣляетесь — я тоже хочу самоопредѣлиться!..

V.

Молодые люди стояли рядышкомъ передо мной на колѣняхъ, усердно кланялись мнѣ въ ноги и, плача, говорили:

— Дяденька, простите насъ. Ей Богу, мы больше никогда не будемъ...

— Чего не будете?

— Этого... дѣлать... Такихъ картинъ дѣлать...

— А зачѣмъ дѣлали?

— Да мы, дяденька, просто думали: публика глупая, хотѣли шумъ сдѣлать, разговоры вызвать.

— А зачѣмъ ты вотъ, тотъ... лѣвый... зачѣмъ крысу на подносъ повѣсилъ?

— Хотѣлъ, какъ чуднѣе сдѣлать.

— Ты такъ глупъ, что у тебя на что-нибудь особенное, интересное даже фантазіи не хватило. Вѣдь ты глупъ, братецъ?

— Глупъ, дяденька. Извѣстно, откуда у насъ умъ?!

— Отпустите насъ, дяденька. Мы къ мамѣ пойдёмъ.

— Ну, ладно. Цѣлуйте мнѣ руку и извиняйтесь.

— Зачѣмъ же... руку цѣловать?..

— Раздѣну и вареньемъ вымажу! Ну?!

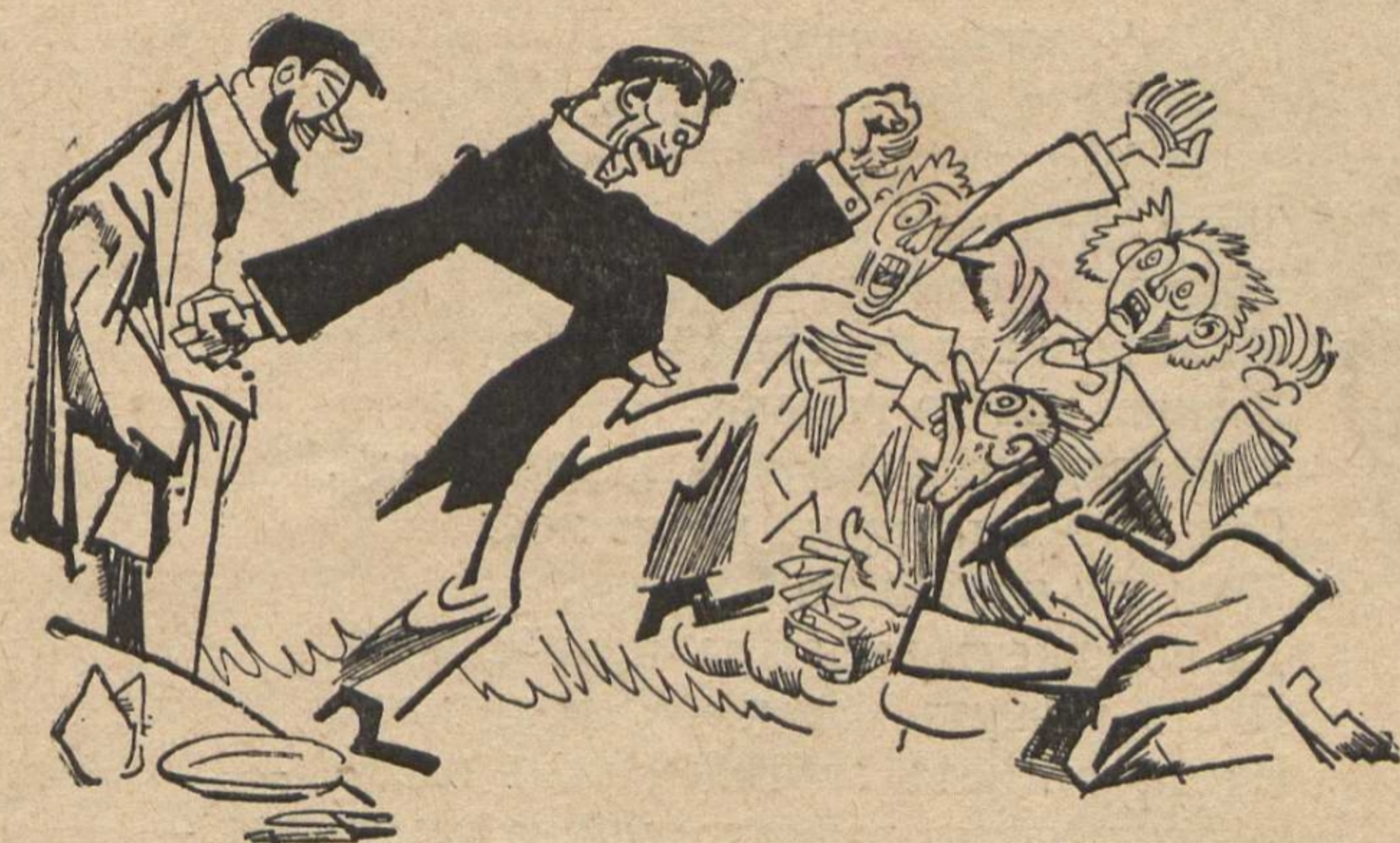
— Вася, цѣлуй ты первый... А потомъ я.

— Ну, Богъ съ вами... Ступайте.

VI.

Провозвѣстники будущаго искусства встали съ колѣнъ, отряхнули брюки, вынули изъ петлицъ ложки и, сунувъ ихъ въ карманъ, робко, гуськомъ вышли въ переднюю.

Въ передней, натягивая пальто, испуганно шептались:

— Какъ жаловаться?! — яростно взревѣлъ я. — Какъ жаловаться?!

— Влетѣли въ исторію! А я сначала думалъ, что онъ такой же дуракъ, какъ и другіе.

— Нѣтъ, съ мозгами парень. Я, было, испугался, когда онъ на меня кричать сталъ. Вдругъ, думаю, подносомъ по головѣ хватить!

— Слава Богу, дешево отдѣлались.

— Это его твоя крыса разозлила. Придумалъ ты, дѣйствительно: дохлую крысу на подносъ повѣсилъ!

— Ну, ничего. Ужъ хоть ты на меня не кричи. Я крысу выброшу, а на пустое мѣсто стеариновый огарокъ на носкѣ башмака приклею. Оно и прочнѣе. Пойдемъ, Вася, пойдемъ, пока не догнали.

Ушли, объятые страхомъ...

Арк. Аверченко.

В О Й Н А.

II.

Письмо.

Листокъ бумаги въ сѣренькомъ конвертѣ.
Смотрю... Цѣлую, время улуча...
Далекій голосъ изъ долины смерти...
Далекій отсвѣтъ теплаго луча.
Иду туда, гдѣ старая колонна
Глядитъ печально въ опустѣвшій садъ.
Горю... Смѣюсь... Но вижу неуклонно:
Пятнадцать сутокъ писано назадъ.

III.

Попросите.

Попросите брата и кузинъ
Не играть дуэта изъ «Русалки».
Мнѣ сегодня нужно въ магазинъ —
Покупать печальныя фіалки.
Младшій братъ мой — радостный шалунъ,
Это всѣмъ и каждому извѣстно.
Цѣлый день не надо трогать струнъ,
Потому что это — неумѣстно.
Мнѣ сегодня нужно въ магазинъ —
Покупать печальныя фіалки.
Попросите брата и кузинъ
Не играть дуэта изъ «Русалки».

VI.

Невмѣстимое.

У привядшихъ фіалокъ и розъ паду,
Вострепещетъ душа, крѣпко жалимая.
Молитву пролію ко Господу
И Тому возвѣщу печали моя.
Өміями дыханіемъ волнъ висятъ,
Голубыми крылами огни гася.

Бѣлый гробъ. Близъ
Него свѣчи стоятъ.
Въ золотѣ дверь
Древне-греческая.
Вотъ она — Жизнь
Человѣческая.
Вотъ она — Смерть
Человѣческая!

Тягостенъ духу тѣлесный плѣнъ,
Тягостенъ смыслъ увяданія.
Розы познали послѣдній тлѣнъ,
Выпили чьи-то рыданія.
У привядшихъ фіалокъ и розъ паду,
Стану горе покорно нести мое.
Молитву пролію ко Господу,
Да поможетъ вмѣстить невмѣстимое.
Пусть увянутъ фіалки, умретъ хвоя,
Пусть угаснетъ свѣтильниковъ пламя, —
Положившимъ животъ свой за други своя —
Вѣчная память!

Въ золотѣ дверь
Древне-греческая.
Бѣлый гробъ. Близъ
Него свѣчи стоятъ.
Вотъ она — Смерть
Человѣческая.
Вотъ она — Жизнь
Человѣческая!

Владимірь Воиновъ.

ДОЛГЪ.

1.

... Была весна. И было какъ всегда весной: солнце свѣтило, снѣгъ таялъ, ручейки звенѣли, поэты истекали стихомъ; на любовь былъ большой спросъ и большое предложеніе, что влекло за собой расцвѣтъ экономической жизни сердца...

Она подождала, пока хлопнула наружная дверь, изъ предосторожности прислушалась еще нѣсколько секундъ, почему-то улыбнулась. Торопливо вытащила изъ столика пачку цвѣтной почтовой бумаги (мужъ подарилъ, когда былъ женихомъ) и нервнымъ почеркомъ набросала:

«Мой свѣтлый лучъ!.. Спѣшу сообщить тебѣ: мой тиранъ для чего-то прикомандированъ къ почтовой конторѣ. Будетъ торчать тамъ до самаго вечера. Ежедневно въ пять дня буду ждать тебя. Приходи! Цѣлую тебя! Твоя М. М. ***»
Запечатала и надписала:

«ЕВБ.

Петру Ивановичу Иванову.

Здѣсь.

Трехгорная ул., д. Поповой.»

Наклеила марку и, сбѣжавъ съ крыльца, опустила письмо въ почтовый ящикъ, что у самаго дома

2.

.. Была весна. И было, какъ всегда весной: солнце свѣтило, снѣгъ таялъ, ручейки звенѣли, поэты истекали стихомъ; на любовь былъ большой спросъ и большое предложеніе, что влекло за собой расцвѣтъ экономической жизни сердца...

Онъ сѣлъ за свой почтовый столъ, пододвинулъ пачку писемъ. Вскрывалъ острымъ тонкимъ ножичкомъ, пробѣгалъ письмо глазами, ставилъ штемпель «Д. Ц.» и откладывалъ въ сторону.

— Что это?! Иванову!.. Ея почеркъ!..

Руки чуть дрожали. Медлилъ вскрывать. Сразу вспомнились ихъ встрѣчи, ихъ взгляды, ихъ улыбки, все, что раньше, казалось, скользило мимо памяти...

— Уничтожить?.. Преступленіе по службѣ... Дозволить?.. Собственными руками разрушать собственное счастье... способствовать начавшемуся разрушенію... Нужно найти выходъ!

Онъ долго молча, подперевъ голову руками, сидѣлъ за столомъ въ мрачномъ помѣщеніи почтовой конторы уѣзднаго городка.

Вдругъ лицо его посвѣтлѣло, онъ засмѣялся довольнымъ, язвительнымъ смѣхомъ: выходъ былъ найденъ.

— Я исполню честно свой долгъ и охраню свое счастье! — шепталъ онъ.

Онъ поставилъ на ея письмѣ штемпель «Д. Ц.» и подъ штемпелемъ четко вывелъ свою фамилію: «Цензоръ А. Меркульевъ». И сдѣлалъ росчеркъ.

3.

... Была весна. И было, какъ всегда весной: солнце свѣтило, снѣгъ таялъ, ручейки звенѣли, поэты истекали стихомъ; на любовь былъ большой спросъ и большое предложеніе, что влекло за собой расцвѣтъ экономической жизни сердца...

Но Петръ Ивановичъ, прочтя съ удовольствіемъ ея письмо и съ неудовольствіемъ приписку ея мужа, на свиданіе не пошелъ...

... Была весна... Унылая, грустная весна...

Исидоръ Гуревичъ.

К О Н Т Р А С Т Ы.

I.

Я изучалъ Горація,
Спинозу и Виргилія,
Читалъ я также Плинія;
Но... слабъ былъ по-латыни я —
И плохо понялъ ихъ.
Мнѣ умъ вскружили граціи,
Округлость плечъ, ихъ линіи,
Влюбился въ очи синія,
Читалъ ихъ безъ латыни я
И лучше, чѣмъ Виргилія,
Безъ всякаго усилія,
Всѣ тайны и святости я
Скорехонько постигъ...

II.

Стремился къ лазури я,
Душою скорбя,
И въ сумеркахъ, гурія,
Я встрѣтилъ тебя.
Купался въ лазури я...
Очей голубыхъ —
И влопался съ дури я —
И вотъ я — женихъ!

Михаилъ Андреевъ.

мисъ

Рисунокъ Мисъ.

Рис. Н. Р.

КОСТЮМЪ ДЛЯ БАЛА.

- Чего ты плачешь, дурачек?
- Мама топиться идетъ. Маму жалко...
- Господи! Съ чего ты взялъ, что мама идетъ топиться?!
- Почти голая раздѣлась, и камень на шеѣ!..

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

— НОВОЕ ИЗДАНИЕ: —

ЭКСПЕДИЦІЯ САТИРИКОНЦЕВЪ
ВЪ ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ.

Текстъ Аркадія Аверченко.

Рисунки А. Радакова.

Цѣна книги 1 р. 25 к.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Игорю Замкнутому. — Отборное рукодѣліе:

„... Поэтъ всегда таковъ,
Что онъ глядитъ на міръ сквозь розовыхъ очковъ.“

Прочли этихъ стиховъ. Улыбнулись при попомощь рота и разорвали все на кусочковъ.

А. А. В. (Невск. 78). — „Надѣюсь, — пишетъ А. А. В., — что вы втиснете куда-нибудь мои стишки“.

Нѣтъ, не втиснемъ. Не обольщайте себя.

Недаромъ одинъ мудрецъ выразился:

„Поэтъ всегда таковъ,
Что онъ глядитъ на міръ сквозь розовыхъ очковъ.“

Золотыя слова.

М. Звонникову. — Звонниковъ пишетъ о челоѣкѣ, скачущемъ верхомъ на лошади, что онъ „нагянулъ возжи и осадилъ коня“.

Ваши „возжи“ въ обычной жизни называются поводьями.

Въ тотъ день, когда вы придѣлаете къ автомобилю стремяна и вооружите, шоффера кнутомъ — звѣзда ваша закатится окончательно

Б. Провинція.

Моршанскъ — Кузь. — Присылая стихи, Кузя начинаетъ препроводительное письмо такъ:

— „Я, конечно, не поэтъ, но...“

Какія тамъ могутъ быть „но“, разъ вы не поэтъ?!

Не поэтъ — и не надо. Мы, конечно, не пиротехники, но рукопись вашу сожгли.

Въ простр. — Боброву. — Остроты Боброва могутъ служить хорошимъ оружіемъ для убоя быковъ на городскихъ скотобойняхъ.

— Маша, что такое „докса“?

— Докса? Такого и слова нѣтъ.

— А какъ же ты говорила, что у Сережи на языкѣ всегда виситъ пара докса“.

Сказали бы мы вамъ за эту остроту пару хорошихъ доксовъ, да воспитаніе мѣшаетъ.

Между нами все кончено.

Горловка — Пьерро. — Пьерро, по преимуществу, мыслитель...

— Отчего, — спрашиваетъ онъ самъ себя, — барабанъ барабанить, труба трубитъ, а ружье не ружьитъ, а стрѣляетъ?“

Головными болями не страдаете?

Гомель — П. С. Т. — „Прошу напечатать мое стихотвореніе, потому что у васъ тоже иногда попадаютъ стихи второго сорта“.

Что вамъ сказать на это?

Въ желудкахъ у страусовъ иногда находятъ желѣзные ключи... Но это отнюдь не значитъ, что всѣ страусы питаются только ключами.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бывають артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

16-е изданіе книги:

Аркадій Аверченко.

Круги по водѣ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ книги:

Тэффи.

И стало такъ.

и

Карусель.

Цѣна каждой книги 1 руб. 25 коп.

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу

7-е изданіе книги:

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**„О хорошихъ
въ сущности
людяхъ“.**

Книга новыхъ
разказовъ.

Въ обложкѣ работы художника РЕ-МИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУ-
ПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

6-ое изданіе книги:

ТЭФФИ.

**ДЫМЪ
безъ
ОГНЯ.**

Цѣна 1 р. 25 к.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Аверченко.

**Волчьи
ямы.**

Цѣна 50 коп.

Вышли въ свѣтъ новыя книги (выпуски „Дешевой Библиотеки“):

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

**ПЯТЬ ЧЕМОДАНОВЪ.
СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ.**

**О НѢМЦАХЪ И
О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ.**

Цѣна каждого выпуска 10 коп.

ВЕСЕННЕЕ.

Ахъ, почему гостиныя не крыши,
А январь не мартъ?!
Ахъ, зачѣмъ браки, фраки и постиши
Уничтожили любовный азартъ?!

Платьемъ прочно скованы жесты;
А въ подтяжкахъ и Антиной не смѣль.
Сильные! Пишите протесты, протесты
Противъ наряднаго рабства тѣль.

Гдѣ ты, радость звѣриной силы,
Ощущенье зубовъ и когтей,
Сила, которой ясны тайны могилы
И тайны весеннихъ дней?

Посмотри: красавица Китти, что вѣчно
Покрыта платьемъ съ шеи до ногъ,
Сбросивъ все, развалилась безпечно,
Чтобъ красу ея котъ видѣть могъ.

Вотъ графъ Х. по крышѣ въ припрыжку
Подлетѣлъ къ княгинѣ Зетъ

И радостно суетъ ей мышку,
Пойманную на обѣдъ.

Ждетъ награды, а награда будетъ:
Онъ вѣдь всѣхъ сильнѣе и злѣй, —
Мигомъ въ крови соперника остудитъ
Жаръ своихъ острыхъ когтей.

О, какъ пріятно не въ ядовитомъ каламбурѣ,
Не въ насмѣшкѣ показать презрѣніе къ врагу...
А сразу, трахнувъ лапой по шкурѣ,
Превратить врага въ слугу!

А потомъ замаякать, что есть мочи,
Не боясь сфальшивить, забывъ законы гаммъ,
И у трубъ, въ темнотѣ весенней ночи,
Быть кумиромъ пушистыхъ дамъ!

Въ синемъ сумракѣ шумъ города тише,
Шумъ города тише, а на крышѣ — любовный азартъ...
Ахъ, зачѣмъ гостиныя не крыши,
А январь не мартъ!?

А. Радаковъ.